

DOI: 10.31857/S032103910021937-3

ИНОГДА ОНА ВОЗВРАЩАЕТСЯ: ОЧЕРЕДНОЙ ВИТОК ДИСКУССИИ О РОМАНИЗАЦИИ?

(По поводу книги *O. BELVEDERE, J. BERGEMANN. Imperium Romanum: Romanization between Colonization and Globalization. Palermo: Palermo University Press, 2021. 345 p. ISBN: 978-88-5509-275-3*)

Дискуссия о романизации стала одним из наиболее интересных событий в новейшей историографии Римской империи и ее провинций. Начавшись в среде британских исследователей и на сугубо римско-британском материале, она довольно быстро вырвалась за пределы северной провинции и переросла в спор более общего характера¹. Археологи и историки обсуждали сущность трансформаций, происходивших в Империи и ее приграничье, пытались определить их общие характеристики и выявить региональную специфику процессов превращения пестрого конгломерата сообществ и земель в глобальную державу с единым хозяйственным и культурным пространством. В конечном счете дискуссия о романизации стала частью переосмысления самого феномена римского империализма и сущности влияния Рима на покоренные территории².

После двух с половиной десятилетий горячих споров наступило некоторое затишье, и уже сами дебаты стали предметом историографической рефлексии. Похоже, пришло время подводить итоги.

Итоги же оказались неоднозначными. Археологи и историки сошлись в том, что слишком активное использование понятия «романизации» порождает целый ряд сложностей. Само слово принципиально многозначно: им можно обозначить и сознательную целенаправленную политику римских властей, и процесс влияния Рима на подчиненные народы, и сам феномен социокультурного взаимодействия. Повсеместное применение понятия без должной концептуальной рефлексии приводило к размыванию его смысла; фактически романизация превращалась в универсальную «отмычку», которую можно применять к любому варианту межкультурных взаимодействий и трансформаций в римском мире.

Помимо этого, сама идея Империи, преобразующей покоренные земли и приносящей цивилизацию, для современного исследователя оказывается малопривлекательной, поскольку онаотягощена целым рядом культурно-исторических стереотипов, не помогающих, а мешающих реконструкции противоречивого и сложного прошлого.

Уже этих соображений для многих ученых было достаточно, чтобы отказаться от употребления термина. Подобная практика избегания «слова на букву Р», заметная в англоязычных

Рецензия выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-18-00374 «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

¹ Отправной точкой дискуссии стал выход монографии Мартина Миллетта о романизации Британии и критический отклик на нее, написанный Филом Фрименом: Millett 1990; Freeman 1993.

² Общий обзор дискуссии о романизации см. в краткой, но весьма содержательной статье В. Михайловича: Mihajlovic 2019. На русском языке романизация и ее критика становились предметом специального разговора в работах А. В. Козленко и А. Е. Барышникова: Kozlenko 2007; Baryshnikov 2012.

публикациях, в своих крайних проявлениях превращается в непродуктивный механизм самоцензуры³. Это, в свою очередь, как верно заметил Владимир Михайлович, порождает своеобразную концептуальную мимирию: начали появляться работы, в которых за выражениями, аккуратно подобранными в соответствии с господствующим историографическим дискурсом, скрываются устаревшие подходы⁴.

Здесь проявляется, вероятно, главный негативный результат дискуссии — отсутствие устойчивого конструктивного консенсуса среди исследователей. Если романизация окончательно отправлена в кабинет историографических диковинок, то какие концепции и теоретические инструменты могут использоваться вместо нее? Из многих предложенных альтернатив, как представляется, лишь глобализация сумела закрепиться в исследованиях и приобрести статус, схожий с тем, что некогда был у романизации.

Кроме того, дискуссия наглядно показала фрагментированный характер новейшей историографии. Как неоднократно отмечалось, спор о романизации стал важным событием в англоязычной — преимущественно британской и нидерландской — научных традициях. В публикациях за пределами англоязычного мейнстрима позиции романизации не подвергались таким атакам, и сам взгляд на проблемы культурного империализма и взаимодействия Рима и его провинций в концептуальном смысле остался практически неизменным⁵. Впрочем, и в англоязычных публикациях дискуссия о романизации довольно быстро утратила революционно-историографический импульс и превратилась в обязательный элемент обзора литературы, появление которого в тексте свидетельствует лишь о должном уровне подготовки автора. Содержание спора часто забывается, а сущность его сводится к вопросу «верить или не верить в романизацию»⁶.

Вероятно, одним из действительно позитивных результатов долгой дискуссии стало (во всяком случае на сегодняшний день) осознание ограниченности имеющегося концептуального инструментария. Многие из предложенных подходов (различающихся идентичностей, креолизации, бриколажа культур) позволяют исследователям анализировать конкретные ситуации культурного взаимодействия, но оказываются недостаточными при попытке перейти к обобщению сложных, противоречивых и многообразных социокультурных трансформаций, происходивших на территориях, подвластных Риму. Парадоксальным образом современная историография сочетает изобилие концепций со своеобразным теоретическим вакуумом.

В такой ситуации возвращение к обсуждению романизации, с критики которой начался современный этап изучения римского культурного империализма, выглядит вполне логичным. Примером этого может служить вышедшая в 2021 г. коллективная монография под редакцией Оскара Бельведере и Йоханнеса Бергеманна⁷. Она была подготовлена по итогам конференции, прошедшей в 2019 г. в германо-итальянском научном центре Вилла Вигони, и включает ряд конкретно-исторических исследований, в которых разбираются различные аспекты социокультурной трансформации регионов римского мира, а также несколько теоретических работ. Внимательное чтение последних позволяет не только понять, куда зашла дискуссия о романизации, но и составить представление о современном состоянии изучения римского культурного империализма.

Открывает раздел теоретических рассуждений статья Грега Вулфа⁸. Автор, тридцать лет назад написавший классическую монографию о социокультурной трансформации Галлии под римской властью, рассматривает концепцию романизации и ее альтернативу, ставшую популярной в последнее десятилетие, — глобализацию. В самом начале статьи Вулф отмечает, что сегодня концепция романизации является скорее препятствием для исследователей, чем подспорьем⁹. У этой концепции, имевшей ключевое значение в течение долгого времени, нашлось несколько серьезных изъянов. Она строилась на обобщенных и гомогенных образах, не вполне отражающих действительность, она была телеологична, она помогала смотреть на прошлое только глазами

³ См., например, Terrenato 2013, 43, n. 1.

⁴ См. Mihajlovic 2019.

⁵ Mihajlovic 2019; Bergemann 2021, 50.

⁶ Jackson 2021, 306.

⁷ Belvedere, Bergemann 2021.

⁸ Woolf 2021.

⁹ Woolf 2021, 19.

римских элит, оставляя множество сюжетов и аспектов истории за рамками создаваемой картины¹⁰. Вулф задается вопросом, может ли какая-то теория выступить в роли замены романизации.

Ответ, по мнению исследователя, однозначен и прост: нет, не может. Попытки заменить одну универсальную концепцию другой приведут к появлению уже знакомых проблем; и всякая, даже самая убедительная сейчас, идея окажется в будущем разбита критическими аргументами, напоминая те, что звучали при деконструкции романизации. Потому, полагает Вулф, будущее исследований римского империализма связано с плюрализмом концептов и подходов. Он замечает, что публикации, касающиеся различных вопросов гендера, идентичностей, экономической жизни Империи, постколониальной критики державной власти Рима, прекрасно обходятся без больших теорий, подобных романизации¹¹.

Все это приводит автора к заключению, что необходимо переосмыслить как сам феномен римского империализма, так и его связь с социокультурной трансформацией областей ойкумены, вошедших в состав римской державы или оказавшихся в сфере ее влияния. Один из путей подобного переосмысления — это расширение контекста, как в хронологическом, так и в территориальном смысле. Вулф полагает, что те социокультурные трансформации, что принято было обозначать термином «романизация», могут быть проанализированы как часть большого, длительного процесса формирования единого средиземноморского пространства, занявшего почти все I тысячелетие до н.э.¹² Более того, эти явления можно встроить в общую картину экспансии и развития человеческих сообществ на территории Европы в эпоху голоцена¹³. Особое внимание Вулф уделяет теории глобализации. Он подчеркивает, что ей свойственны ограничения, похожие на проблемы романизации, креолизации и других концептов, которые применяются для обозначения больших универсальных процессов. Обоснованные сомнения вызывает и смелость, с которой антиковедение заимствует термин, родившийся для обозначения конкретного исторического феномена и значительно более поздней эпохи. Тем не менее обращение к глобализации позволяет выполнить задачу, сформулированную Вулфом ранее, — поместить историю римского империализма в широкий контекст, связав с длительными процессами изменений, переживаемых сообществами Средиземноморья и Западной Европы¹⁴. Дополненная концептом глокализации (разнообразной реакции местных сообществ на влияние большой, глобальной социокультурной общности) и идеей middle ground (своеобразных зон взаимодействия культур, в которых возникают локальные и уникальные феномены), теория глобализации может, судя по словам Вулфа, оказаться весьма эффективной¹⁵.

О глобализации как ключе к пониманию трансформации древнего мира под властью Римской державы неоднократно писал Майкл-Джон Верслаус¹⁶. В статье, которая следует за работой Вулфа, он подчеркивает важность подобного подхода, не без преувеличения заявляя, что его продуктивность признана как в социально-гуманитарных науках в целом, так и в антиковедении¹⁷. Верслаус вполне обоснованно полагает, что глобализацию и романизацию нельзя отождествлять. При этом, по его мнению, разработка концепции, условно названной «Романизация 2.0», может осуществляться в рамках теории глобализации¹⁸. Весь мир древнего Средиземноморья охватывали глобализационные процессы, важной частью которых стали возникновение и экспансия римской державы, в результате чего создавались сетевые структуры,

¹⁰ Woolf 2021, 20.

¹¹ Woolf 2021, 20–21.

¹² Вулф употребляет термин «Mediterraneanization», который мы затрудняемся перевести на русский.

¹³ Woolf 2021, 23.

¹⁴ Woolf 2021, 24–25.

¹⁵ Woolf 2021, 26–27. При этом Вулф оговаривается, что концепт глобализации будет эффективным только при понимании тех пределов, до которых он может применяться в исследованиях античности. Насколько нам известно, первой обратиться к концепту middle-ground (среди исследователей провинций римского мира) предложила Кала Древняк в докладе, прочитанном на XXI Сергеевских чтениях в 2019 г.

¹⁶ Versluys 2021. См. также Hingley 2005; 2011; Versluys 2014; Pitts, Versluys 2015. Обзор существующих подходов к изучению римского мира с применением теории глобализации, а также ряд ценных наблюдений о специфике феномена см. Makhlayuk 2018.

¹⁷ Versluys 2021, 34–35.

¹⁸ Versluys 2021, 35.

связывавшие ойкумену¹⁹. Исследования римского империализма как феномена, полагает Верслаус, характеризуются недостаточным вниманием к ключевому понятию новейших теорий глобализации и одновременно термину, без которого изучение любой империи невозможно, — власти²⁰. Именно глобализационный подход, по словам автора, может предоставить наиболее подходящий инструментарий для изучения сложноустроенной, многоуровневой и противоречивой системы власти.

В качестве иллюстрации этого тезиса Верслаус обращается к концепту «трения»), который стал достаточно популярным в культурной антропологии после выхода монографии Анны Цзин²¹. Исследователь кратко описывает подход, с помощью которого Цзин смогла создать сложную картину перемен, случившихся с Индонезией за последние тридцать лет. Для Верслауса «трение» важно одновременно как метафора, позволяющая продемонстрировать комплексный, многофакторный, противоречивый характер социокультурной трансформации человеческих сообществ, и как стимул не проводить жестких границ между локальными и глобальными элементами этих изменений, но, напротив, подчеркивать их тесную взаимосвязанность²². К сожалению, краткое изложение метода Цзин фактически завершает статью — остается лишь гадать, как подобный подход будет работать применительно к конкретному историческому материалу Римской империи.

Йоханнес Бергеманн обращается к проблеме взаимодействия греческой и римской культур, составлявшего основу античной глобализации²³. Первая часть его статьи имеет сугубо обзорный характер: исследователь бегло обозначает ключевые точки дискуссий о романизации и римской глобализации, в общих чертах отмечает разницу в подходе британских, голландских и немецких ученых, воспроизводит несколько тезисов, прозвучавших на конференции в Вилла Вигони в 2019 г.²⁴ Затем Бергеманн обращается к процессам взаимовлияния греческой и римской культур, которые он обозначает вполне традиционными терминами «эллинизация» и «романизация». В качестве иллюстраций глубокого взаимопроникновения греческого и римского начал в жизни сообществ древнего Средиземноморья автор приводит различные произведения искусства (прежде всего скульптуры республиканского и раннего имперского периодов) и эпиграфические свидетельства из Афин; впрочем, упоминаются и другие свидетельства этих процессов, в частности, керамика типа *terra sigillata*. Катализатором, выведшим глобализацию как смешение двух культур в рамках единого пространства ойкумены, стало правление Августа²⁵.

После обзора свидетельств экспансии римской культуры на греческом востоке Бергеманн возвращается на зыбкую почву теоретических споров. Он предлагает рассматривать глобализацию не как альтернативу романизации, но как процесс, тесно связанный с ней и проходивший параллельно. Глобализация в античном мире меняла политическую и правовую сферу; романизация же представляла собой более глубокое и специфичное явление, которое Бергеманн характеризует как «распространение культурных, правовых, социальных, экономических, политических и других характеристик из Рима в обширное пространство Империи». Таким образом, заключает исследователь, концепт романизации может помочь объяснить феномен Римской империи и того непреходящего значения, которое она сохранила и в постколониальную эпоху²⁶.

Завершается теоретический раздел статьей Мартина Миллетта, и это символично, поскольку именно публикация его книги положила начало дискуссии о романизации. Для британского исследователя этот текст стал попыткой вернуться к сказанному много лет назад, внимательно перечитать написанное и обновить точку зрения. Самое заметное изменение позиции

¹⁹ Versluys 2021, 37.

²⁰ Versluys 2021, 38.

²¹ Versluys 2021, 41 со ссылкой на Tsing 2005.

²² Versluys 2021, 36, п. 23, 41. По существу данная статья развивает взгляды, сформулированные Верслаусом за семь лет до этого; так, идея взаимосвязанности как важнейшей черты глобализованного пространства римского мира занимает важное место в статье Versluys 2014. См. обзор дискуссии, инициированной этой статьей Верслауса: Baryshnikov 2015.

²³ Bergemann 2021, 49–50.

²⁴ Bergemann 2021, 50–51.

²⁵ Bergemann 2021, 51–55.

²⁶ Bergemann 2021, 56–57.

Миллетта — и он признается в этом практически сразу — это сознательный отказ от использования понятия «романизация» в любом контексте, кроме сугубо историографического²⁷.

Изменение лексики, впрочем, не должно заслонять более серьезные перемены в подходе автора к пониманию и интерпретации социокультурных изменений, происходивших в римском мире. Миллетт отмечает, что значительная их часть представляла собой скорее комплекс ненамеренных последствий, порожденных самой структурой империализма, чем результат сознательных действий его агентов²⁸. Потенциально продуктивным инструментом для изучения подобных последствий Миллетт признает идею Дэвида Мэттингли о различных провинциальных ландшафтах (ландшафте возможностей и ландшафте сопротивления) и добавляет к ним еще один вариант — ландшафт взаимной незаинтересованности²⁹.

Еще одно важное изменение теоретических взглядов исследователя заключается в пересмотре отношения к римской политике, направленной на изменение жизни включенных в Империю регионов. Прежде Миллетт если не игнорировал, то существенно недооценивал роль действий римской элиты, стараясь уйти от стереотипа «пришли римляне и создали на варварских землях настоящую цивилизацию»; теперь он признает, что политика Рима могла иметь большое, если не решающее значение, особенно в определенные исторические моменты³⁰. Взаимодействие Рима с покоренными сообществами, как подчеркивает автор, проходило под влиянием множества факторов и каждый раз складывалось по-разному; даже в схожих условиях результаты взаимодействия могли быть различными. Этот тезис, высказанный еще тридцать лет назад, остался без изменений, но в статье был дополнен аргументацией, основывающейся на других материалах помимо древней Британии³¹.

Для понимания этого сложного комплекса явлений необходимо, по мнению исследователя, уделить особое внимание историческому и территориальному контексту трансформаций, а также обратиться к изучению сущности власти и ее внутренней динамики, особенностям социального устройства контактирующих общностей, проблеме эксплуатации и насилия³². Так, Миллетт кратко сравнивает результаты римского империализма в северной Британии, северо-западной Испании и Бельгии. Различия в социальной организации обществ, оказавшихся под властью Рима, ресурсах, находившихся на завоеванных территориях, в мотивации и ситуационных интересах представителей имперской власти предопределяли специфику развития каждого из названных автором регионов. Небогатые области с гетерархической организацией социума были милитаризованы, но слабо интегрированы в социокультурное пространство Империи. Иной была судьба сообществ с достаточно высокой степенью дифференциации: они прочно входили в состав римской державы и переживали глубокую трансформацию, превращаясь в провинции Рима³³.

В конце статьи Миллетт предлагает черновой вариант схемы, которая позволила бы распределить различные варианты проявлений римского империализма и конкретные случаи взаимодействия римской державы с завоеванными регионами. В ней учитываются хронологические рамки, характерные черты и масштаб экспансии, степень экономической эксплуатации, специфика провинциальной организации и урбанизма³⁴. Схема Миллетта производит позитивное впечатление и, как кажется, действительно показывает разнообразие траекторий развития римского империализма; безусловно, она не является исчерпывающей и может быть дополнена.

В целом новый раунд публикаций о романизации и ее возможных альтернативах производит неоднозначное впечатление. Авторы придерживаются различных подходов к обсуждаемой теории, от простого избегания термина и стремления поместить римский империализм в концептуальные рамки глобализации до попыток примирить романизацию с глобализацией.

²⁷ Millett 2021, 63.

²⁸ Millett 2021, 64. Несколько замечаний о непреднамеренных последствиях культурного взаимодействия в римской Британии см. в Baryshnikov 2018 (текст статьи подготовлен несколько ранее, в 2015 г.).

²⁹ Millett 2021, 65.

³⁰ Millett 2021, 65–66.

³¹ Millett 2021, 67–68.

³² Millett 2021, 65, 67.

³³ Millett 2021, 67–69.

³⁴ Millett 2021, 71, tab. I.

Безусловно, подобный плюрализм не является проблемой сам по себе. Напротив, различия во взглядах создают, казалось бы, благодатную почву для концептуального развития дисциплины.

В реальности же, как представляется, речь идет не о развитии, а о заморозке дискуссии. Исследователи «окопались» на давно занятых позициях. Вулф и Верслаус широкими мазками создают картину глобализации ойкумены, вынося на передний план римский империализм, Бергеманн же не отступает от вполне привычного, практически хрестоматийного понимания романизации, которое можно встретить в публикациях, вышедших за десятилетия до начала дебатов. Подчеркнутая вежливость к различным точкам зрения, выражаемая исследователями, не означает, что эти точки зрения оказываются учтены. Так, Бергеманн старательно обходит сущностные замечания критиков романизации, звучавшие на протяжении последних тридцати лет, а Верслаус, подчеркивая продуктивность глобализации как подхода, оставляет в стороне критику своих взглядов, опубликованную немногим ранее на страницах журнала «Antiquity»³⁵.

Возникает ощущение, что дискуссия зашла в тупик и ее участники не слышат и не слушают аргументов друг друга, как бы они ни пытались создать обратное впечатление, упоминая в своих статьях доклады коллег, прозвучавшие на конференции на Вилле Вигони³⁶. В результате в полемических публикациях практически отсутствует собственно полемика. Что еще хуже, теряется из виду сам предмет разговора — феномен римского империализма. Какое определение можно ему дать? Что можно сказать о его динамике, внешней и внутренней эволюции? Каковы особенности власти, центрального элемента любой имперской системы, в контексте римского империализма? Какие аспекты этого исторического явления остаются вне фокуса предложенных концепций (романизации 2.0, глобализации, теории фрикции и других)? Все эти вопросы, даже будучи озвученными в рамках дискуссии, остаются без ответа.

Тем не менее время для окончательной капитуляции перед лицом историографического пессимизма еще не пришло. В статьях заметен консенсус по ряду вопросов, важных для совершенствования методологии исследования: ясно, что все исследователи сходятся во мнении о необходимости изучать социокультурные трансформации, происходившие в римской державе, в широких контекстах — хронологических, пространственных, культурных. Продуктивность этой позиции вполне подтверждают некоторые статьи сборника, сфокусированные на конкретных примерах взаимодействия Рима с подчиненными землями³⁷. Наконец, в позитивном смысле выделяется статья Мартина Миллетта. В ней важные теоретические наблюдения органично сочетаются с обращением к конкретному римскому материалу (чего, например, не хватает статье Верслауса), а многие высказанные тезисы (в частности, о ненамеренных последствиях империализма) представляются заслуживающими дальнейшей разработки.

Было бы символично, если бы именно Миллетт, с книги которого начался спор о романизации, закрыл дискусию новой статьей, переключив исследователей с дискурсивных кульбитов на последовательное применение разных подходов к исследованию Империи и ее провинций³⁸. Впрочем, само название книги Бельведере и Бергеманна показывает, что не стоит ждать скорого окончания споров о романизации. Вероятно, вопросы о том, можно ли произносить «слово на букву Р», и если можно, то что оно должно означать, еще какое-то время будут актуальными для историографии.

³⁵ Fernandez-Götz *et al.* 2020. Справедливости ради нужно отметить, что он ссылается на статью Фернандеса-Геца и, как кажется, признает тезис своих критиков о необходимости изучения насилия как составной части римского империализма и имперской глобализации: Versluis 2021, 37, п. 28, 39.

³⁶ См., например, Bergemann 2021, 51.

³⁷ См., например, Hingley 2021; Terrenato 2021.

³⁸ Хорошей иллюстрацией продуктивности подобного перехода от теоретического дискутирования к применению разных методов и подходов служит коллективная монография, посвященная изучению визуальной культуры римских провинций: Alcock *et al.* 2016.

Литература / References

- Alcock, S.E., Egri, M., Frakes, J.F.D. (eds.) 2016: *Beyond Boundaries: Connecting Visual Cultures in the Provinces of Ancient Rome*. Los Angeles.
- Baryshnikov, A. Ye. 2012: [Roman Britain and the Problem of Romanization: Crisis of a Traditional Concept and the Discussion about New Approaches in Contemporary British Classical Scholarship]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod] 6/3, 200–211.
- Барышников, А.Е. Римская Британия и проблема романизации: кризис традиционной концепции и дискуссия о новых подходах в современном английском антиковедении. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 6/3, 200–211.
- Baryshnikov, A. Ye. 2015: [Empire Strikes back? 'Archaeological Dialogues' and a New Turn of the Romanization Debate]. *Vestnik Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod] 1, 17–24.
- Барышников, А.Е. Империя наносит ответный удар? «Археологические диалоги» и очередной виток дискуссии о романизации. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского* 1, 17–24.
- Baryshnikov, A. Ye. 2018: [From Frankenstein to Dirk Gently: a Quest for a New Agenda in Romano-British Studies]. In: O.L. Gabelko, A.V. Makhlayuk, A.A. Sinitsyn (eds.), *PENTEKONTAETIA. Issledovaniya po antichnoy istorii i kul'ture. Sbornik, poschvyashchennyy yubileyu Igorya Yevgen'evicha Surikova* [Studies in Ancient History and Culture. Collection of Papers in Honor of Igor Evgenyevich Surikov]. Saint-Petersburg, 267–275.
- Барышников, А.Е. От Франкенштейна к Дирку Джентли: поиск нового в романо-британских исследованиях. В сб.: О.Л. Габелко, А.В. Махлаюк, А.А. Сеницын (ред.), *PENTH-KONTAETIA. Issledovaniya po antichnoy istorii i kul'ture. Sbornik, poschvyashchennyy yubileyu Igorya Yevgen'evicha Surikova*. СПб., 267–275.
- Belvedere, O., Bergemann, J. (eds.) 2021: *Imperium Romanum: Romanization between Colonization and Globalization*. Palermo.
- Bergemann, J. 2021: Hellenizing Rome – Romanizing Greece – Globalizing the Empire? In: O. Belvedere, J. Bergemann (eds.), *Imperium Romanum: Romanization between Colonization and Globalization*. Palermo, 49–61.
- Fernández-Götz, M., Maschek, D., Roymans, N. 2020: The Dark Side of the Empire: Roman Expansionism Between Object Agency and Predatory Regime. *Antiquity* 94 (378), 1630–1639.
- Freeman, P.W.M. 1993: 'Romanisation' and Roman Material Culture. *Journal of Roman Archaeology* 6, 438–445.
- Hingley, R. 2005: *Globalizing Roman Culture. Unity, Diversity and Empire*. London.
- Hingley, R. 2011: Globalization and the Roman Empire: The Genealogy of 'Empire'. *SEMATA. Ciencias Sociais e Humanidades* 23, 99–113.
- Hingley, R. 2021: From Colonial Discourse to Post-Colonial Theory: Roman Archaeology and the Province of Britannia. In: O. Belvedere, J. Bergemann (eds.), *Imperium Romanum: Romanization between Colonization and Globalization*. Palermo, 181–191.
- Jackson, R. 2021: *The Roman Occupation of Britain and Its Legacy*. London.
- Kozlenko, A.V. 2007: [Romanization in Foreign Historiography of XIX–XX Centuries]. *Vesnik Mazyr'skaya dzyarzhavnaga pedagogichnaga universiteta imya I.P. Shamyakina* [Bulletin of the Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin] 1 (16), 58–62.
- Козленко, А.В. Романизация в зарубежной историографии XIX–XX вв. *Вестник Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна* 1 (16), 58–62.
- Mihajlović, V. 2019: Critique of Romanization in Classical Archaeology. In: C. Smith (ed.), *Encyclopedia of Global Archaeology*. Living Edition. URL: https://link.springer.com/referenceworkentry/10.1007%2F978-3-319-51726-1_3115-1; accessed on: 10.04.2023.
- Millett, M. 1990: *The Romanization of Britain. An Essay in Archaeological Interpretation*. Cambridge.
- Millett, M. 2021: 'Romanization', Social Centralization and Structures of Imperial Power. In: O. Belvedere, J. Bergemann (eds.), *Imperium Romanum: Romanization between Colonization and Globalization*. Palermo, 63–74.
- Pitts, M., Versluys, M.J. 2015: *Globalisation and the Roman World. World History, Connectivity and Material Culture*. Cambridge–New York.

- Terrenato, N. 2013: Patterns of Cultural Change in Roman Italy. Non-Elite Religion and the Defense of Cultural Self-Consistency. In: M. Jehne, B. Linke, J. Rüpke (Hrsg.), *Religiöse Vielfalt und soziale Integration: die Bedeutung der Religion für die kulturelle Identität und die politische Stabilität im republikanischen Italien*. (Studien zur Alten Geschichte, 17). Heidelberg, 43–60.
- Terrenato, N. 2021: The Romanization of Rome. Cultural Dynamics in the Architecture of Hellenistic Italy. In: O. Belvedere, J. Bergemann (eds.), *Imperium Romanum: Romanization between Colonization and Globalization*. Palermo, 77–88.
- Tsing, A.L. 2005: *Friction: An Ethnography of Global Connection*. Princeton.
- Versluys, M.J. 2014: Understanding Objects in Motion. An Archaeological Dialogue on Romanization. *Archaeological Dialogues* 21/1, 1–20.
- Versluys, M.J. 2021: Romanization as a Theory of Friction. In: O. Belvedere, J. Bergemann (eds.), *Imperium Romanum: Romanization between Colonization and Globalization*. Palermo, 33–48.
- Woolf, G. 2021: Taking the Long View. Romanization and Globalization in Perspective. In: O. Belvedere, J. Bergemann (eds.), *Imperium Romanum: Romanization between Colonization and Globalization*. Palermo, 20–32.

Anton Ye. Baryshnikov,

Lobachesvsky State University

of Nizhny Novgorod,

Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: baryshnikov85@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2343-8537

Acknowledgements: Russian Science Foundation,
project no. 20-18-00374

А.Е. Барышников,

к.и.н.,

научный сотрудник Нижегородского

Государственного Университета

им. Н.И. Лобачевского,

Нижний Новгород, Россия